

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)
Москва, 8 февраля 2022 года

Материалы конференции

УДК 316.77:81.27(082)
ББК 88.53:81.001я43
С-483

С-483 «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2022 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022. – 60 с.

Сборник содержит материалы научной конференции «Слово и жест», посвященной памяти Е. А. Гришиной (1958-2016). В центре внимания конференции – обсуждение вопросов мультимодальной коммуникации и жестикуляционной лингвистики, а также смежных проблем.

Оргкомитет конференции
В. А. Плунгян, акад. РАН – председатель
Е. В. Рахилина, д-р филол. наук, в.н.с.
С. О. Савчук, канд. филол. наук, в.н.с.

© Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

- 11:00 – Открытие конференции. Вступительное слово:
11:10 *Владимир Александрович Плунгян*
- 11:10 – *Ольга Камалудиновна Ирисханова* (Институт
11:30 языкознания РАН, МГЛУ)
Константность и вариативность мультимодального
поведения говорящего в условиях неопределенности
- 11:30 – *Юлия Владимировна Николаева* (МГУ им.
11:50 М. В. Ломоносова)
Выражение позиции говорящего с помощью
дискурсивных маркеров и жестикуляции
- 11:50 – *Татьяна Евгеньевна Янко* (Институт языкознания РАН)
12:10 Просодия как показатель статуса и речевого опыта
говорящего
- 12:10 – *Александра Алексеевна Евдокимова* (Институт
12:30 языкознания РАН)
Жесты головы и одушевленные существительные на
материале эталонного подкорпуса RUPEX (22, 4, 23
запись). Предварительные замечания
- 12:30 – *Мария Ивановна Киосе, Анна Васильевна Леонтьева,*
12:50 *Ольга Владимировна Агафонова* (МГЛУ, Институт
языкознания РАН)
Эстетика слова и жеста в аргументативно-
описательных монологах актеров
- 12:50 – *София Сергеевна Мартыненко* (МГУ им.
13:10 М. В. Ломоносова)
Современные этикетные жесты в русском и корейском
языках
- 13:10 – Перерыв
14:00

- 14:00 – *Наталья Викторовна Богданова-Бегларян* (СПбГУ)
14:20 Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (о смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность)
- 14:20 – *Ольга Викторовна Федорова* (МГУ им.
14:40 М. В. Ломоносова)
Еще одна жизнь «Фильма о грушах» Уолласа Чейфа
- 14:40 – *Анна Александровна Зинина, Артемий Александрович*
15:00 *Котов, Людмила Яковлевна Зайдельман, Никита Алексеевич Аринкин* (НИЦ «Курчатовский институт», МГЛУ, РГГУ)
Глазодвигательное поведение людей при рассказе истории роботу
- 15:00 – *Анна Васильевна Леонтьева, Ольга Владимировна*
15:20 *Агафонова, Андрей Андреевич Петров* (МГЛУ, Институт языкознания РАН)
Когнитивная нагрузка при синхронном переводе: полимодальный анализ
- 15:20 – *Кристина Викторовна Ваишанова* (МГУ им.
15:40 М. В. Ломоносова)
Смены позы в диалоге и их связь с различными дискурсивными и когнитивными явлениями
- 15:40 – *Николай Алексеевич Коротаев* (РГГУ, Институт
16:00 языкознания РАН)
Сегментация речевого потока: взгляд «наивного разметчика»
- 16:00 – *Екатерина Владимировна Рахилина, Полина Андреевна*
16:20 *Бычкова* (ИРЯ РАН, ВШЭ)
А как же без дискурсивных формул?
- 16:20 – Подведение итогов конференции
16:40

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)

Тезисы докладов

Содержание

<i>Н. В. Богданова-Бегларян.</i> Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (о смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность).....	7
<i>К. В. Ваишанова.</i> Смены позы в диалоге и их связь с различными дискурсивными и когнитивными явлениями	12
<i>А. А. Евдокимова.</i> Жесты головы и одушевленные существительные на материале эталонного подкорпуса RUPEX (22, 4, 23 запись). Предварительные замечания.....	15
<i>А. А. Зинина, А. А. Котов, Л. Я. Зайдельман, Н. А. Аринкин.</i> Глазодвигательное поведение людей при рассказе истории роботу.....	20
<i>О. К. Ирисханова.</i> Константность и вариативность мультимодального поведения говорящего в условиях неопределенности	23
<i>М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова.</i> Эстетика слова и жеста в аргументативно-описательных монологах актеров	29
<i>Н. А. Коротаев.</i> Сегментация речевого потока: взгляд «наивного разметчика»	34
<i>А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров</i> Когнитивная нагрузка при синхронном переводе: полимодальный анализ...	39
<i>С. С. Мартыненко.</i> Современные этикетные жесты в русском и корейском языках	45
<i>Ю. В. Николаева.</i> Выражение позиции говорящего с помощью дискурсивных маркеров и жестикуляции	48
<i>Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова.</i> А как же без дискурсивных формул?.....	51
<i>О. В. Федорова.</i> Еще одна жизнь «Фильма о грушах» Уолласа Чейфа.....	52
<i>Т. Е. Янко.</i> Просодия как показатель статуса и речевого опыта говорящего.....	56

**НАД КЕМ СМЕЕТЕСЬ? НАД СОБОЙ СМЕЕТЕСЬ!
(О СМЕХЕ КАК РЕАКЦИИ ГОВОРЯЩЕГО
НА СОБСТВЕННУЮ РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)***

Н. В. Богданова-Бегларян

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
n.bogdanova@spbu.ru*

Важным аспектом анализа устной речи является *прагматический*, позволяющий увидеть работу самого механизма построения спонтанного текста. Предмет исследования в рамках прагмалингвистики – самые разные действия говорящего или единицы текста: мимика, жесты, звуковые артефакты, прагматические маркеры и, в числе прочего, паралингвистические элементы (ПЭ) звуковой цепи. ПЭ – смех, вздох, кашель (а также зевота, плач, рыдания, свист, шымыганье носом и некот. др. [Крейдлин 2002: 29, 34-35]), – помимо выражения физиологического состояния говорящего, различения моделей его поведения или реакции на ситуацию или тему разговора, могут также выполнять в устной речи различные дискурсивные функции, что изучено пока явно недостаточно. Предметом анализа в настоящей работе стал смех (*С) как ПЭ.

Предлагаемые в работе наблюдения сделаны на материале 28 монологов одного информанта (И) (девушка, студентка-нефилолог, типичный экстраверт) из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Звуковой корпус 2013; 2014]: 4 свободных рассказа на заданную тему (отдых, семья, мечты, учеба), 8 монологов чтения (4 сюжетных текста и 4 несюжетных) и 8 их пересказов, а также 8 описаний изображения: 4 – сюжетного и 4 – несюжетного. Экстравертный тип личности И, а также близкое знакомство с собирателем-экспериментатором обеспечили большое количество смеха в ее монологах.

Меньше всего *С ожидаемо обнаружилось в монологах чтения, хотя и здесь его доля от общего количества токенов в каждом тексте составила от 0 (в трех монологах из 8) до 2,46 % – в отрывке из повести А.П. Платонова «Котлован», где И развеселил целый ряд единиц: *активная жадность, остаточный батрак, товарищ Пашкин, кузня*. Последнее слово подтолкнуло И к объемному метакоммуникативному комментарию (в примере выделено шрифтом):

- 1) *но ещё Чиклин / или Чиклин и Елисей не дошли до кузни... / **цы** должно быть / но тут написано до кузни / не дошли до кузни /*

*как товарищ Пашкин *С / уже вышел из помещения и отбыл на машине обратно.*

При следующем упоминании *кузни* И уже смеется и как бы играет с этим словом:

- 2) *Ч'иклин / он же Чикл'ин / с Настей на руках / вошли в кухню / цу *С / Елисей же остался постоять снаружи *С.*

Так же играет И и с фамилией героя, в которой неизвестно место ударения: фрагментам (1)-(2) в данном монологе предшествует еще одна пространная метакоммуникативная вставка на эту тему:

- 3) *но ещё Ч'иклин / Ч'иклин Чикл'ин / Ч'иклин / мне так больше нравится / но ещё Ч'иклин и Елисей / так Ч'иклин или Чикл'ин / действительно?!*

Смех в конце контекста (2) можно считать в результате общей реакцией на все языковые коллизии прочитанного отрывка, вызвавшие у И столько эмоций.

Самое большое количество *С обнаружилось – также вполне ожидаемо – в монологах, построенных по наиболее трудным коммуникативным сценариям, – в пересказах (1,92-5,6 % от общего количества токенов) и описаниях изображения (1,33-6,43 %). Такой смех во многом можно считать смехом говорящего над самим собой, порождающим спонтанный текст.

Причины появления смеха в монологах разного типа (и, соответственно, его дискурсивные функции) вполне поддаются систематизации. Проиллюстрируем это.

1. Маркирование начала или конца текста. В первом случае смех связан с трудностями, которые испытывает любой говорящий, начиная неподготовленный монолог, во втором это может быть смех-облегчение: монолог закончен, и можно вздохнуть, ср.:

- 4) **С подожди секунду *С Ветлуга очевидно взыграла (чтение);*
- 5) **С Облонский какие-то люди неизвестные Левин и Щербитские / Щербатские / что там потом / Кити была ещё ребёнком *С / это я запомнила (пересказ);*
- 6) *занудство какое / я не могу пересказывать / реально // у меня пересказ две секунды займёт наверное / серьёзно // я не знаю с чего начать / честно говоря /// могу вот так слова подряд все рассказать / ну не все / конечно /// *С в общем / лопухи были *С / верхушки лопухов (пересказ);*

- 7) *в общем картинка очень красивая даже // **вот** // *С / э-э-э (описание);*
- 8) *эм-м-м ну да / **вот как-то так примерно** // *С (описание);*
- 9) *вот такая страшная история // **щас нажму на стоп** *С (рассказ).*

Шрифтом в приведенных контекстах выделены вставки, которые либо также играют роль пограничных маркеров (*вот; ну да / вот как-то так примерно; щас нажму на стоп*), либо прямо выражают трудности говорящего в построении монолога.

2. Реакция на устаревшие, редкие или иные нетривиальные единицы читаемого текста (см. также примеры (1)-(2); соответствующие единицы выделены):

- 10) *в нескольких шагах на большой глубине и лопух и мать-мачеха и вся зелёная братия стояли уже **безропотно и тихо** *С молодой **ивняк** с зелёными нависшими ветвями **вздрагивал от ударов зыби** // *С // на том берегу **весело кудрявились ракиты** *С / на том берегу **весело кудрявились ракиты** / молодой **дубнячок и вётлы** // за ними тёмные ели **рисовались зубчатой чертой** / далее **высились красивые** / э-э-э / *С далее **высились красивые осоки** и величавые сосны (чтение).*

Ясно, что предложенный выбор единиц, вызвавших смех, во многом субъективен. Не исключено, что И показалось нетривиальным что-то другое, а может быть – просто обилие таких слов в одном небольшом отрывке. Видно также, что смех может возникнуть как после прочтения необычного слова (эффект прайминга), так и перед ним (известно, что в ходе чтения глаз всегда несколько опережает язык) (эффект «фьючеринга»).

3. Реакция И на собственную языковую креативность, в том числе языковую игру:

- 11) *я б **закрылась на три месяца** и лежала бы **пряма** / **купила бы книжечек каких-нибудь** / **журналов всяких там** / **DVD** и **вот лежала бы и / отпрашивала жиры** / *С (рассказ);*
- 12) *когда спрашивали **типа** / а **дедушка где** / а он на **Кубе** / **говорила я** / а что он там **делает** / я **говорила в кубики играет** *С // потому что я думала что **на Кубе надо обязательно играть в кубики** (рассказ);*

- 13) *ну меня так когда в детстве тоже меня спросила / Ксюша тебе погуще суп или пожизже / и я сказала побольше *С // мне значения этих слов мне видимо были непонятны *С (рассказ);*
- 14) *город город Чудово / в Новгородской области / там спички делаютя делаютя сами / ох *С (рассказ);*
- 15) *ну в общем группа у нас ужасная какая-то попалась / там только пара нормальных паранормальных *С // человек *С / пара приличных человек (рассказ);*
- 16) *вот учусь на гуманитарном факультете / п-приобретаю специальность связи с общественностью / а сдаю почему-то русский уже 4 года подряд / какие 4 семестра 4 курса подряд / не так 4 полугодия подряд сдаю русский / тоже удачно / на все четвёрки магия чисел *С (рассказ);*
- 17) *он надел халат / вышел в переднюю и э-э-э замеш.../ замес.../ замешкавшись какое-то время всё-таки вышел из э-э ком... / ну из // жилища *С // своего дома / бунгало / шикарного пятизвёздочного отеля *С (пересказ);*
- 18) *на следующее утро-о-о // гончий *С в общем / человек который ездил на коне и привозил новости / никак мне не вспомнить как он назывался / а-а-а / привёз печальную / печальное известие (пересказ);*
- 19) *человек из / низшего сословия практически *С / работает с... дворником / менеджером по уборке так скажем (описание);*
- 20) *один сидит на пенёчке а второй на него летит прям как / белка-летяга *С // хвост торчком / лапы там / пяточком *С (описание).*

Видно, что порой креативность И продиктована не только ее несомненным чувством языка, но и тем обстоятельством, что она просто не может вспомнить то или иное слово или наименование и вынуждена его придумать (*гончий*).

4. Возможен смех и как реакция на прямую ошибку или оговорку И:

- 21) *потом очень бы хотела бы съездить в Южную Америку / там в Португалию или Аргентину /// ой / *С не в Португалию / а в Бразилию / я думала про Бразилию / а сказала Португалия *С // очень хотелось бы в Бразилию или Аргентину / я не то сказала /*

по географии у меня 5 было всю жизнь / практически / так что я в курсе дела где Португалия где Бразилия (рассказ);

- 22) *Семья / как много в этом звуке для сердца юного слилось / так ведь было / у Пушкина ли это было / да // ну не у Пушкина так не у Пушкина / у меня литература закончилась я не Инга *С // так что мне очень хорошо *С / литературы нет счастье есть (рассказ);*
- 23) *звенела зыбь ударяя в **ворота** старой лодки *С // нет // ударяясь / ударяя в **борта** старой лодки (чтение).*

Примеры демонстрируют возможное сочетание разных причин смеха и в целом несомненную перспективность описания паралингвистических элементов в самых разных аспектах: собственно лингвистика текста, коллоквиалистика, прагма-, социо- и психолингвистика, когнитивистика, лингвокриминалистика, создание искусственного интеллекта и проч.

Литература

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание (2013) / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. *Звуковой корпус* как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории (2014) / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ. 396 с.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение. М. : 2002. 592 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

СМЕНЫ ПОЗЫ В ДИАЛОГЕ И ИХ СВЯЗЬ С РАЗЛИЧНЫМИ ДИСКУРСИВНЫМИ И КОГНИТИВНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ*

К. В. Вашпанова

МГУ им. М. В. Ломоносова

(Москва, Россия)

k.vashpanova@yandex.ru

Значимость изменений позы в общении была давно замечена в психологии и психиатрии, в то время как в лингвистике им уделялось мало внимания. А. Шефлен (1964) писал, что смены позы маркируют границы между единицами разных уровней, причём чем выше уровень, тем значительнее это изменение. Например, смена темы связана с незначительным изменением положения головы и глаз, а изменение вида деятельности — с теми сменами позы, что затрагивают не меньше половины тела. Наблюдения П. Булла (2016) подтверждают предположение о связи изменения положения рук со сменой темы, также он и Р. Браун (1977) предполагают, что смены позы могут быть связаны с чередованием ролей говорящего и слушающего. Ю. В. Николаева (2009) отмечает, что смена положения рук маркирует границы структурных элементов рассказа (вступление, основной сюжет, кульминация и т. д), причём тип положения значения не имеет.

В данном исследовании изучались смены позы — изменения положения покоя какой-либо части тела, затрагивающее участок более одного пальца — и их связь с различными дискурсивными и когнитивными факторами. Кроме того, было проверено влияние возраста и пола человека на частоту появления у него смен поз и регулярность их появления в определённых контекстах.

Для сбора данных был проведён эксперимент, в ходе которого пара участников объясняла друг другу слова, написанные на лежащих рядом с ними карточках, причём было запрещено называть само объясняемое слово, однокоренные ему, а также его переводы на другой язык. На ход давалось 30 секунд, в течение которых один участник объяснял столько слов, сколько успеет, после чего участники менялись ролями, и так повторялось до тех пор, пока карточки не заканчивались.

В эксперименте приняли участие 10 человек младшей (19-21 год) и 9 человек старшей (40-55 лет) возрастной группы. Всего было обработано 10 видеозаписей длительностью от 10 до 21 минуты.

В результате анализа записей было показано, что на изменение позы собеседников могут влиять такие факторы, как:

1. смена деятельности — в данном случае смена хода, т. е. переход из роли объясняющего в роль угадывающего и наоборот;
2. изменение темы разговора — в данном случае новое слово, которое объясняет сам участник или его собеседник;
3. сложности в понимании слова у угадывающего, сопровождающиеся паузой для поиска новой догадки или же сигналом непонимания (покачиванием головы, словами, например «я не понимаю», или дополнительными вопросами);
4. сложности в объяснении слова у объясняющего, сопровождающиеся поиском стратегии объяснения, часто после сигнала непонимания от угадывающего.

Интересно заметить, что смены позы одной и той же части тела (рук, ног или туловища) могли быть связаны с различными факторами, а один и тот же фактор мог вызывать изменение позы разных частей тела. Кроме того, репертуар поз многих участников был весьма ограничен: около 10 поз всего, а для каждой части тела в отдельности их могло быть и меньше — 2 или 3.

Для выявления влияния на смены позы пола и возраста участника факторы предварительно были разделены на группы по двум признакам: факторы хода (связанные со сменой хода) vs факторы процесса (прочие) и внутренние (вызванные самим участником) vs внешние (реакции на действия его партнёра). Удалось установить следующие закономерности:

1. Участники младшей группы чаще меняют позы, чем участники старшей, как в среднем, так и в связи с каждой отдельной группой факторов (для всех факторов, кроме факторов процесса, различия статистически значимы, проверка проводилась по критериям Манна-Уитни и хи-квадрат).

2. У старшей группы смены позы скорее связаны с факторами хода, а у младшей — процесса.
3. У старшей группы смены позы скорее связаны с внутренними факторами, а у младшей — с внешними.

Различия между мужчинами и женщинами оказались статистически незначимы.

Таким образом можно заключить, что на смены позы влияют как дискурсивные (изменение вида деятельности и темы), так и когнитивные (сложности в понимании и объяснении) факторы, а также то, что на частоту и регулярность появления смен поз в связи с этими факторами влияет возраст человека.

Литература

Николаева Ю. В. Сегментация устного нарратива и изобразительные жесты: кинетические признаки границ и связей между сегментами дискурса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог», РГГУ. 2009. 340-345.

Bull P. E. Posture and gesture. Elsevier, 2016.

Bull P. E., Brown R. The role of postural change in dyadic conversations // British Journal of Social and Clinical Psychology, 16(1). 1977. 29-33.

Schefflen A. E. The significance of posture in communication systems // Psychiatry, 27(4). 1964. 316-331.

*Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

**ЖЕСТЫ ГОЛОВЫ И ОДУШЕВЛЕННЫЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЭТАЛОННОГО
ПОДКОРПУСА RUPEX (22, 4, 23 ЗАПИСЬ).
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

А. А. Евдокимова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
arochka@gmail.com*

Е.А. Гришина в своей книге при анализе указательных жестов рук и головы обращает внимание на такой аспект, как влияние одушевленности/неодушевленности объекта указания на выбор вида движения. В отношении жестов головы она отмечает, что боковой кивок чаще связан с одушевленными объектами [Гришина 2017: 142]. Сравнивая употребление указательных жестов головы и рук, отмечающих одушевленный объект, Гришина приходит к выводу, что чаще всего используются жесты невидимой зоны или указывающие на нее¹. В случае, если одушевленный объект оказывается внутри зоны коммуникации он становится предметом речи, что в каком-то смысле приравнивает его к неодушевленному объекту [Гришина 2017: 132]. В результате показывает, что анализ жестового ответа при одушевленном или неодушевленном объекте указания позволяет продемонстрировать независимость систем указательных жестов головы и рук.

В показанном участникам записей корпуса RUPEX² фильме Чейфа «О грушах» есть персонажи: 1) садовник/фермер, собирающий груши, 2) мальчик на велосипеде, утащивший груши, 3) девочка на велосипеде, 4) три мальчика, 5) мужчина с козой. А также несколько животных: коза и петух. Однако при анализе использования лексики в записях эталонного подкорпуса (#22, #4, #23) в корпусе RUPEX получился следующий набор одушевленных существительных и соответствующих им движений головы у каждого из участников.

¹ «Такая структура распределений, очевидно, связана со структурой зоны коммуникации и зоной видимости, которая стандартно не включает в себя никаких одушевленных субъектов, кроме говорящего и слушающего, так что все одушевленные объекты указания располагаются вне зоны коммуникации или вне зоны видимости» [Гришина 2017: 162].

² Более детально о проекте см. <https://multidiscourse.ru/corpus/>

#23 рассказчик: *мужчин, коза, человек, мальчик, девочка, ребят, братья, мальчиков, велосипедиста, парням, петушок, петух, парень, ковбой, режиссера*³. Сопровождается следующими наборами движений головы у рассказчика (Г): 5 поворотов влево к комментатору, 3 поворота вправо обратно, 3 наклона вправо и 5 наклонов влево, 10 наклонов вниз и 5 подъемов головы вверх, круговое движение, сдвиг влево от руки; у комментатора (С): 2 поворота головы к рассказчику и 5 поворотов влево от рассказчика, 2 движения вперед и 2 движения назад, наклон вниз; у пересказчика (С): поворот вправо, наклон влево, 2 наклона вниз, подъем головы вверх, 2 движения вперед и 3 движения назад.

#23 комментатор: *мальчик, мужчина, мужичка, мужик, мальчик, парняга, петушок, коза, парни, парня, друзья*. Движения у комментатора (Г): 5 поворотов вправо к рассказчику, 5 наклонов вниз + подъемов головы вверх, 2 подъема головы вверх + наклона вниз, наклон вниз; у рассказчика (С): поворот влево к комментатору, наклон вправо и наклон влево, 2 подъема головы вверх + наклона вниз, наклон вниз + подъем головы вверх; у пересказчика (С): поворот влево, наклон влево.

#23 пересказчик: *петух, парни, парень, дядька, девочка, мужчина, мальчик, мужик, девочка*. Движения у пересказчика (Г): 3 поворота влево, 2 поворота вправо, движение назад-вперед, 7 наклонов вниз, 2 сдвига влево; у рассказчика (С): 4 поворота влево к С, 2 поворота обратно вправо, 2 наклона вниз и подъем головы вверх; у комментатора (С): поворот головы влево, 4 поворота влево к Н, 4 движения назад, 3 наклона вниз и подъем вверх.

#22 рассказчик: *фермер, товарищ, козой, мальчик, девочка, мальчикам, детей, взрослых, молочник, хозяин, Катя* (один из участников записи), *преподаватель* (профессия этого участника). Движения рассказчика (Г): 6 наклонов вниз, 3 движения назад, 4 подъема головы вверх, движение вперед, 6 поворотов вправо, 2 наклона влево. У комментатора (С): 5 поворотов направо к рассказчику, 3 подъема головы вверх, движение вперед, 3 движения назад, наклон вправо. У пересказчика (С): 2 наклона вниз, 3 подъема головы вверх, 5 движения назад.

³ Слова приводятся в той форме, в какой встречаются в речи участников. Г – говорящий, С – слушающий, роли в момент появления этих слов в ситуации.

#22 комментатор: *фермер, мальчик, мужчина, коза, мужик, девочку, ребят, друзьям, девочки, мужик, молочник, ребенок.* Движения комментатора (Г): 3 движения назад движение вперед, 7 наклонов вниз, наклон влево, три поворота вправо к рассказчику, 5 подъемов головы вверх, сдвиг влево и сдвиг вправо. У рассказчика (С): 3 наклона вниз, 3 поворота налево к комментатору, подъем головы вверх, сдвиг влево. У пересказчика (С): 2 поворота налево, наклон направо, 4 наклона вниз, два движения назад, сдвиг вправо.

#22 пересказчик: *мальчик, девочка, мальчики, мужик, взрослых, коза, хозяин, родственники, садовник, фермер, мужчина.* Движения у пересказчика (Г): 8 наклонов вниз, 5 движений назад, движение вперед, 5 подъемов головы вверх, 2 поворота влево. У комментатора (С): 3 сдвига вправо, 5 наклонов вниз, 2 движения назад, подъем головы вверх. У рассказчика (С): 3 поворота головы вправо, поворот головы влево к комментатору, 2 сдвига вправо, 2 движения назад, 2 наклона вниз, мотание головой.

#4 рассказчик: *человек, фермер, мужчина, Дмитрия Быкова, коза, д'Артаньяна, Боярский, мальчик, пацан, девочка, главарь, мальчики, друзьям, шпана, девочки.* Движения у рассказчика (Г): 5 поворотов влево к комментатору, 6 поворотов направо, 5 наклонов вниз, 1 подъем головы вверх, наклон влево, наклон вправо, 5 движений назад. У комментатора (С): 5 поворотов вправо к рассказчику, поворот влево, наклон вниз и движение назад. У пересказчика (С): 3 движения назад, два наклона вниз, поворот влево, поворот вправо, 2 подъема головы вверх.

#4 комментатор: *мальчиков, девочкой, мальчика, дядьке, фермере, фермеры, мужик, козой, актеры.* Движения у комментатора (Г): 4 поворота влево, поворот вправо, 4 наклона вниз, 2 подъема головы вверх, сдвиг влево, 2 движения назад, одно вперед. У рассказчика (С): два наклона вниз, 4 поворота влево к комментатору, 4 поворота вправо обратно, подъем головы вверх, качание головой, движение головой вперед и назад. У пересказчика (С): 3 поворота налево, 5 движений назад, 4 движения вперед, наклон вниз.

#4 пересказчик: *фермер, мальчик, пионера, девочка, мужчина, коза, друзьям, фермера, мальчики, фермеры, ребенок.* Движения у пересказчика (Г): 6 движений назад, 5 поворотов влево, поворот вправо, 5 наклонов вниз, 3 подъема головы вверх, два движения вперед; у комментатора (С): 5 наклонов вниз, 3 поворота вправо к рассказчику, 3 поворота влево обратно, 5 движений назад; у рассказчика (С): два подъема головы вверх, три поворота влево к

комментатору, поворот вправо обратно, два наклона вниз, два движения назад.

Как мы видим из представленных в анализируемых записях движений головы, боковой кивок по Гришиной или, в нашей терминологии, наклон головы влево или вправо встречается как сопровождающий одушевленные существительные в этом подкорпусе не так часто. Возможно, это связано с тем, что все эти одушевленные существительные являются персонажами пересказов говорящих и предметами речи, а не теми лицами, которые могут потенциально присоединиться к коммуникации. Однако стоит отметить частотность использования других типов движений головы, в том числе и поворотов, которые в этих контекстах часто выполняют в том числе и регуляторную функцию или имеют дополнительное регуляторное значение (что связано с самим дизайном записей и их проксемикой). При этом движение голова вперед, которое по Гришиной сопутствует чаще неодушевленным существительным, не становится здесь также частотным, что подтверждает результаты ее выборов.

При анализе жестов головы, приходящихся на одушевленные существительные, произнесенные как самими говорящими, так и их слушающими, отмечаются следующие тенденции, свойственные для всех записей.

1) Одушевленные существительные, обозначающие животных, имеют меньший жестовый ответ и скорее маркируются только самими говорящими, чаще всего прагматическими или изобразительными жестами.

2) Одушевленные существительные, обозначающие людей, делятся на нейтральные и маркированные. Выбор маркера варьируется от записи к записи и зависит от проксемики и состава участников.

3) Одно и то же существительное может оказаться у одного и того же говорящего как маркированным, так и нейтральным, так произошло с «мальчиком» в 23 записи. При маркировке часто используются указательные жесты и жесты-регуляторы.

4) Изобразительные жесты чаще попадают на описания одушевленных существительных, чем на их название.

Однако есть отличия в самих записях:

В 23-й записи маркированными у рассказчицы и комментатора оказались существительные, обозначающие людей мужского пола. Так у комментатора, женщины, и вовсе ни разу не встретилось существительное «девочка». При этом существительное «мальчик» могло быть как нейтральным, чем сближалось по жестовой реакции на

него с существительным «человек», либо маркированным, как существительные «мужчина, мужик, парень». В этой записи, единственной из рассматриваемых, обратили внимание на петуха, но он не оказался из-за этого маркированным, словно такой же неодушевленный предмет, как груши или шляпа.

В 4-й записи у рассказчицы оказалось маркированным слово «девочка» и явно вызвало жестовый ответ у слушающих, в то время как у пересказчицы маркированы были все персонажи мужского пола, включая слово «фермер», которое в других записях выступало скорее как более нейтральное. В то время как у комментатора при уточнениях маркировались персонажи независимо от их пола, чаще всего поворотами в сторону рассказчицы, либо наоборот, нарочито от нее в камеру.

В 22-й записи у рассказчика и комментатора оказалось маркировано слово «мальчик», а пересказчица выделяла всех персонажей и заменила фермера на садовника, что не вызвало жестового ответа у слушающих.

Таким образом, совокупность сопутствующих факторов, в том числе различие испытываемыми реакций на гендерно-окрашенные слова, показывает, что проблема анализа жестового ответа головы как говорящего, так и слушающих на одушевленные существительные затрагивает не только указательные жесты и связанную с ними проблематику местонахождения объектов указания, но и жесты других типов, что требует отдельного исследования на более широком материале.

Литература

Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: ЯСК, 2017.

ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ ПРИ РАССКАЗЕ ИСТОРИИ РОБОТУ

А. А. Зинина, А. А. Котов, Л. Я. Зайдельман, Н. А. Аринкин

Национальный исследовательский центр

«Курчатовский институт»

Московский государственный лингвистический университет

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

Zinina_aa@nrcki.ru

Мы провели эксперимент, в рамках которого изучали, могут ли различные способы глазодвигательного поведения робота-компаньона создавать у пользователя впечатление общения с эмоциональным существом. Перед испытуемыми стояла задача составить историю из карточек и рассказать её двум роботам, которые демонстрировали различные способы ответного взгляда. В эксперименте приняли участие 46 испытуемых (средний возраст 27 лет, 33 женщины). В качестве стимульного материала мы использовали истории в картинках Херлуфа Бидструпа. Испытуемые получали каждую историю в виде набора разрозненных карточек. Они должны были составить сюжет и рассказать историю роботу, демонстрируя текущую карточку: испытуемые рассказывали по 3 истории каждому роботу. Перед началом исследования испытуемых кратко знакомили с роботом, сообщали, что разработчики пытаются обучить робота соотносить события истории с предъявляемыми картинками. Реальная цель исследования намеренно не сообщалась. Таким образом, испытуемые поочередно взаимодействовали с роботами с различными поведенческими реакциями на взгляд пользователя: первый робот, поддерживал зрительный контакт глаза-в-глаза с пользователем, а второй робот демонстрировал взгляд в сторону от испытуемого.

В рамках эксперимента мы выявили, что эмоциональный интеллект (ЭИ) испытуемых влияет на предпочтение одного из роботов, а также на эксплицитное обнаружение разницы между вариантами их глазодвигательного поведения. Так, люди с высокими баллами по общей шкале *Понимание эмоций* лучше различают глазодвигательные паттерны, демонстрируемые двумя роботами

($p < 0,05$, U-тест Манна-Уитни). Именно они обычно правильно описывают разницу между двумя роботами. Кроме этого, те испытуемые, которые предпочли отвечающего на взгляд пользователя робота, обладают более высоким уровнем эмоционального интеллекта ($p < 0,05$, U-тест Манна-Уитни), чем группа, предпочитающая избегающего взгляд робота – более подробно результаты эксперимента описаны в [Velichkovsky et al. 2021].

Однако также важно, что люди с различным уровнем развития эмоционального интеллекта демонстрируют разное глазодвигательное поведение при рассказе истории роботу. Мы посчитали количество направленных взглядов на робота у всех испытуемых. В среднем в течение рассказа участники эксперимента обращают внимание на реагирующего ответным взглядом робота в 23 случаях (мин. 12, макс. 137), на избегающего взгляд робота в 22 случаев (мин. 6, макс. 128). Если разделить испытуемых в группы по уровню развития эмоционального интеллекта по шкале *Понимание эмоций*, то можно проследить некоторые закономерности, например, увеличенную продолжительность направленного на робота взгляда у людей с развитым уровнем социального интеллекта. Более того, эти люди рассказывают более длинные истории, насыщенные деталями и сюжетными поворотами. Существенно выделяются испытуемые №36 и №40, имеющие наивысшие балы по уровню ЭИ и представившие самые продолжительные рассказы.

Интересно, что при качественном анализе видеозаписей эксперимента можно заметить, что респонденты по-разному рассказывали истории роботам – именно с точки зрения глазодвигательного поведения. Можно выделить несколько типичных паттернов поведения:

1. Не смотрят (или минимально смотрят) на робота – в таких случаях респонденты сосредоточены на карточках, лежащих на столе; они не всегда их поднимают для демонстрации роботу, либо поднимают карточку, но не переводят взгляд.

2. Подстраивают карточку к взгляду робота, но не отмечают способ глазодвигательного поведения робота в самоотчёте – несмотря на то, что испытуемые ориентируют карточку под направление взгляда

робота, они не могут описать разницу в поведении роботов в опросе после эксперимента.

3. Подстраивают карточку к взгляду робота и замечают его перемещения – такие испытуемые помещают карточку непосредственно в направлении взгляда робота (либо перед роботом, если робот демонстрирует избегающий взгляд), при этом они точно описывают различие в глазодвигательном поведении двух роботов.

4. Не подстраивают карточку к взгляду робота – испытуемые внимательно смотрят на робота, но не перемещают карточку при изменении направления взгляда робота.

Интересным наблюдением является то, что в большом числе случаев изменение направления взгляда не влияет непосредственно на изменение направления головы. Например, испытуемые поднимают глаза, но не голову – что затрудняет работу системы автоматической регистрации взгляда, использованной в эксперименте.

Изменение направления взгляда испытуемых при общении с роботом, реагирующим на взгляд, представляется важным как для улучшения систем автоматической регистрации взгляда, так и для разработки продвинутых моделей глазодвигательного поведения робота. Более тонкое моделирование естественного глазодвигательного поведения роботом будет способствовать повышению его привлекательности для пользователя, повышению удовлетворенности от взаимодействия.

Литература

Velichkovsky B. M., Kotov A., Arinkin N., Zaidelman L., Zinina A., Kivva K. From Social Gaze to Indirect Speech Constructions: How to Induce Impression that Your Companion Robot is a Conscious Creature. *Appl. Sci.*, 2021, 11(21):10255 DOI: 10.3390/app112110255

КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

О. К. Ирисханова

Институт языкознания РАН

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

oiriskhanova@gmail.com

В работах Е. А. Гришиной, в которых анализируются семантика и прагматика разных жестикуляционных движений, особое место занимают жесты колебательных и круговых движений с семантическим компонентом неуверенности [Гришина 2015]. Исследователь выделяет разные типы колебательных и круговых движений и демонстрирует их структурное и семантическое варьирование.

Настоящее исследование, опираясь на общие идеи жестикуляционной лингвистики и на более частные идеи Е. А. Гришиной о способности жестов выражать эпистемические состояния участников общения и о разнообразии языковых средств и сопровождающих их жестов, ставит задачу выявить, какие языковые и кинетические (жестовые) ресурсы использует говорящий при решении некоторой проблемы в условиях неопределенности [Гришина 2017; Савчук 2021]. Следовательно, в качестве константы мы будем рассматривать присутствие в языковом выражении лексем, указывающих на неопределенность (диффузность, нечеткость) референции, в то время как функциональные и структурные характеристики жестов, сопровождающих подобные выражения, будут рассматриваться нами как вариативные свойства исследуемых полимодальных комплексов.

Таким образом, исследование опирается на два ключевых понятия. Первое понятие - *диффузная (нечеткая) референция* (*vague reference*), под которой мы понимаем такое указание языкового выражения на референт, при котором объект, событие или свойство предстает как член категории с диффузными границами. Подчеркнем, что подобная референция не столько

указывает на свойства объекта как объективной сущности, сколько предполагает текущий выбор говорящего в пользу менее точного описания объекта при наличии возможности выбора более точного наименования (например, *кто-то* вместо *человек*). Случаи диффузной референции нередко возникают при речевых затруднениях, «когда прямое точное название объекта или положения дел оказывается невозможным или нежелательным» [Подлесая 2013: 561].

Второе ключевое понятие – это *функциональный тип жеста*. Мы опираемся на типологию жестов, предложенную К. Мюллер и А. Ченки, и выделяем жесты-биты (жесты подчеркивают ритм речи); жесты-адаптеры - самоадаптеры и предметные адаптеры (жесты касания); репрезентирующие жесты (жесты иконически передают свойства объекта); прагматические жесты (жесты передают интенции говорящего, его когнитивные и эмоциональные состояния); дейктические жесты (жесты указания) [Cienki 2005; Müller 2005].

В настоящей работе ставятся вопросы о том, (1) можно ли утверждать, что языковые выражения нечеткой референцией “тяготеют” к полимодальности; (2) как будут варьировать жесты с точки зрения их функциональных характеристик и будет ли эта вариативность коррелировать с типом нечеткой референции; (3) какова роль колебательных и циклических движений при решении задачи в условиях неопределенности и какие функциональные типы жестов обладают данными структурными характеристиками.

Для ответа на данные вопросы было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого 10 испытуемым (в возрасте от 18 до 23 лет) было предложено устно пояснить различия между парами близких синонимов (*огонь – пламя; мертвец – труп; битва – схватка; чепуха – ерунда; кара – наказание; идеал – совершенство* и др.). Полученные видеозаписи (общая длительность около 1 часа 36 минут) аннотировались с помощью программы ELAN, разработанной Институтом психолингвистики Макса Планка в Неймегене, Нидерланды. Единицами анализа послужили языковые выражения диффузной референции, употребляемые с жестами и без

них, которые далее были разделены на 2 группы: заместители и аппроксиматоры [Lakoff 1973; Sperber, Wilson 1995, Sauerland, Stateva 2007; Podlesskaya 2010; Tárníková 2019]. К заместителям мы отнесли: неопределенные местоимения и наречия (*кто-то, что-нибудь, где-то*); существительные широкой семантики (*состояние, штука, идея*); выражения, завершающие перечисления (*и всякое такое*); субстантивированные деадъективы (*хорошее, древнее, невнятное*); обобщения (*что-то в этом роде, как-то так хотел сказать*). Данные средства диффузной референции анализировались с точки зрения их совместной встречаемости с жестами разных функциональных типов и структурных характеристик.

Результаты анализа показали, что, во-первых, номинации диффузной референции, сопровождаемые жестами, составили 71% (N=541), от общего количества случаев их употребления (N=759), что свидетельствует в пользу того, что нечеткая референция, указывающая на эпистемическое состояние неопределенности, в нашем видео корпусе демонстрирует тенденцию к полимодальной – т. е. вербально-жестовой, реализации (подобные показатели наблюдались по обеим группам номинаций – заместителям (72%, N=89; 100%=316) и аппроксиматорам (71%, N=129; 100%=443)).

Во-вторых, с точки зрения функциональных характеристик жестов, совокупно преобладали прагматические жесты (36%) и жесты-самоадаптеры (29%), что, по-видимому, связано с тем, что в момент затруднений говорящие склонны обращаться к собеседнику за поддержкой, на что указывает большое количество жестов, повернутых ко второму участнику эксперимента ладонью вверх (так называемые жесты PUOH, по классификации К. Мюллер, Я. Брессем и др. [Bressemer, Müller 2014; Ladewig 2014]). Частотность самоадаптеров указывает на сложность выполняемой испытуемыми спонтанной метаязыковой задачи и необходимость ее преодолеть через самокасания [Allen, Honeycutt 1997; Krauss, Nadar 1999]. При этом для аппроксиматоров самоадаптеры продемонстрировали более существенное преобладание, чем для заместителей (49% vs. 29%), однако репрезентирующие жесты употреблялись с заместителями чаще, чем с аппроксиматорами (23% vs. 13%), что

может быть связано с необходимостью дополнительной семантической поддержки десемантизированных единиц (местоимений, слов-оболочек и пр.) с помощью жестов, иллюстрирующих свойства объектов.

Кроме того, анализ по парному t-критерию Стьюдента, показал наличие статистически значимых различий в употреблении всех функциональных типов жестов для двух типов диффузной референции – замещения и аппроксимации. Так, для самоадаптеров $t=-7.02$, $df=19$, $p < .001$; для прагматических жестов $t=-5.09$, $df=19$, $p < .001$; для дейктических жестов $t=-4.33$, $df=19$, $p < .001$; для репрезентирующих жестов $t=-7.63$, $df=19$, $p < .001$; для битов $t=1.75$, $df=19$, при $p=0,096$. Статистически значимые различия были обнаружены и внутри каждой группы номинаций (см. [Ирисханова, Аврамова 2021]). Следовательно, для проанализированных видеозаписей можно говорить о том, что различия в функциональной вариативности жестов связаны с типом диффузной референции.

В-третьих, исследование подтвердило важную роль колебательных движений для решения задачи в условиях неопределенности: так, жесты с колебательными структурными характеристиками составили около 35% ($N=187$) от общего количества жестов, сопровождающих номинации диффузной референции ($N=541$); циклические жесты при этом составили 13% ($N= 72$) от общего количества соответствующих жестов. При этом в обеих группах жесты чаще употреблялись с замещающими выражениями и реализовывали прагматическую функцию, однако доля репрезентирующих жестов также оказалась высока: 37% случаев репрезентации для колебательных движений от общего количества подобных жестов, функционирующих с выражениями диффузной референции, и 45% случаев для циклических жестов от общего количества подобных жестов, сопровождающих выражения диффузной референции. Следует заметить, однако, что наблюдалось существенное индивидуальное варьирование жестовых профилей говорящих с точки зрения вербальных и кинетических средств диффузной референции.

В целом, проведенное эмпирическое исследование показало наличие связи между тем, какие языковые средства нечеткой референции использует говорящий при решении метаязыковых проблем в условиях неопределенности и тем, какими жестами в функциональном плане он эти средства сопровождает.

Литература

Гришина Е.А. Круги и колебания: семантика сложных траекторий в русской жестикуляции // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Ред. А. А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 238-286.

Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК, 2017.

Ирисханова О.К., Аврамова Ю.С. Нечеткая референция при решении метаязыковых задач как полимодальный феномен // *Когнитивные исследования языка*, 2021. Вып. 4(47). С. 233–244.

Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 2013. Вып. 12(19). С. 631–643.

Савчук С.О. Что вносит жестикуляционная лингвистика в изучение дискурса // *Когнитивные исследования языка*, 2021. Вып. 1(44). С. 213–220.

Allen T.H., Honeycutt J.M. Planning, imagined interaction, and the nonverbal display of anxiety // *Communication Research*, 1997. Vol. 24. P. 64–82.

Bressemer J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressemer (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1575–1591.

Cienki A. Image schemas and gesture // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* / Ed. by J. Grady. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 421–442.

Krauss R.M., Hadar U. The role of speech-related arm/hand gestures in word retrieval. // *Gesture, speech, and sign* /L.S. Messing & R. Campbell (Eds.). New York: Oxford University, 1999. P. 93–116.

Ladewig S. The cyclic gesture // *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressemer (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1605–1618.

Lakoff G. Hedges // *Journal of Philosophical Logic*, 1973. Vol. 2. P. 458–508.

Müller C. *Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking. A Cognitive Approach to Metaphors in Language Use.* Berlin: Freie Universität, 2005.

Podlesskaya V.I. Parameters for typological variation of placeholders // Amiridze, Nino, Boyd H. Davis and Margaret MacLagan (eds.) *Fillers, Pauses and Placeholders. Typological Studies in Language*, 2010. Vol. 93. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 11–32.

Sauerland U., Stateva P. Scalar vs. Epistemic Vagueness: Evidence from Approximators // *Semantics and Linguistic Theory*, 2007. Vol. 17. P. 228–245.

Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition.* Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 1995.

Tárnyiková J. English Placeholders as Manifestations of Vague Language: Their Role in Social Interaction // *Brno Studies in English*, 2019. Vol. 45. No. 2. P. 201–216.

ЭСТЕТИКА СЛОВА И ЖЕСТА В АРГУМЕНТАТИВНО-ОПИСАТЕЛЬНЫХ МОНОЛОГАХ АКТЕРОВ*

^{1,2}М. И. Киосе, ^{1,2}А. В. Леонтьева, ¹О. В. Агафонова

¹Московский государственный лингвистический университет

²Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru

В настоящем исследовании проводится контрастивный анализ полимодального поведения актеров с целью установления паттернов синхронизации речи и жеста, демонстрирующих разную степень выраженности эстетического (поэтического, художественного) потенциала дискурса, или особой выразительности его формы, проявляющейся в художественном творчестве. Материалом анализа становятся образцы более и менее подготовленного дискурса, в качестве которого выступают аргументативно-описательные монологи одних и тех же актеров в кино и интервью. Предположительно, паттерны полимодального поведения актеров в кино будут демонстрировать специфические различия, обусловленные эстетической установкой кино [Chare & Watkins 2020; Kostoulas et al. 2020]. Анализ проводится с опорой на некоторые (обнаруженные в исследуемом материале) прагматические и структурирующие функции монологического аргументативного и описательного дискурса [Longacre 1996; Amossy 2009; Кибрик, Подлеская 2009; Cabrio et al. 2013]; для анализа жестов привлекается их функциональная типология, в основе которой лежит разграничение их функций, прагматической, дейктической, репрезентирующей и функции самоадаптации [Cienki & Mittelberg 2013].

Контрастивное исследование осуществляется с использованием методики анализа дискурсивных профилей [Iris Khanova & Cienki 2018; Kiose 2021], описывающих относительные показатели активности функций в речи и жесте. Материалом являются монологи пяти рейтинговых актеров (С. Бондарчука, В. Тихонова, Ю. Никулина, Р. Быкова, А. Баталова). Всего анализу подвергаются 203 и 205 единиц речи (в качестве единицы речи выступает пропозиция или ее модальная рамка) в кино и интервью, в которых активность проявлений функций составила 863 случая в кино (728 в речи и 135 в

жестах) и 1118 случаев в интервью (826 в речи и 292 в жестах). Аннотирование осуществлено по 42 частным функциям речи и 14 функциям жеста, например, в отношении аргументативного дискурса к прагматическим функциям речи отнесены выражение мнения, эмоциональной оценки, констатация причин и условий, выстраивание контрастов, выражение обвинения и др., а к структурирующим функциям речи – акцентирование мнения, самоисправление, детализация, генерализация, интерсубъективность и др. В ходе исследования 1) устанавливаются значимые различия в активности укрупненных и частных функций речи и жеста в двух форматах дискурса, 2) определяются функции речи, которые играют роль предикторов разных типов жеста, 3) определяются схемы синхронизации речи и жеста в полимодальном поведении актеров, 4) выявляются индивидуальные различия в полимодальном поведении.

Обнаруженные различия в активности укрупненных функций (прагматической и структурирующей функций аргументативной и описательной речи, а также прагматической, дейктической, репрезентирующей функций и функции саморегуляции жеста) в более и менее подготовленном формате не являются статистически значимыми ($F(1, 14)=0.085$, $p=0.775$), однако различия в отношении активности частных функций ($F(1, 110)=4.92$, $p=0.027$) оказались статистически значимы. При этом различия значимы именно в отношении жестов ($F(1, 26)=7.14$, $p=0.008$), а не речи ($F(1, 26)=0.947$, $p=0.33$), если рассматривать отдельно функции жестов и речи. Наибольшие различия наблюдаются в отношении репрезентирующих жестов (удержание, олицетворение), прагматических жестов (структурирование дискурса, репрезентация компонента дискурса), жестов-адаптеров – данные функции намного активнее проявляются в менее подготовленном формате интервью. Отметим, что прагматические жесты, эмфатические и жесты, иллюстрирующие выражение отношения, представлены относительно равномерно и имеют высокую частотность в обоих форматах.

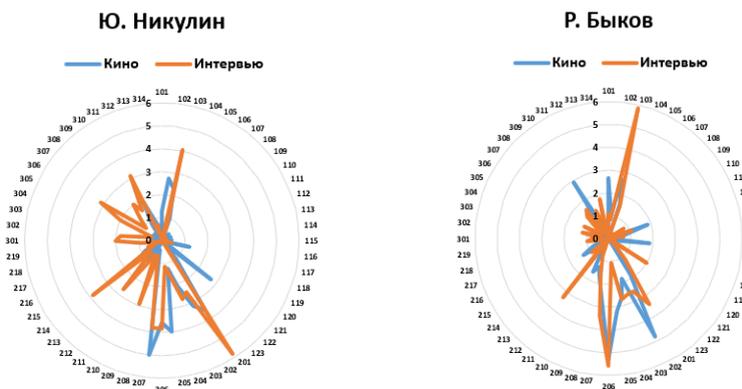
На следующем этапе исследования с помощью регрессионного анализа мы предприняли попытку установить функции речи, которые работают как предикторы тех или иных жестов. В кино наибольшая активность обнаружена у эмфатических жестов и жестов выражения отношения. Регрессионные модели, описывающие взаимодействие функций речи, сопряженных с данными жеста, имеют следующие

показатели предсказуемости моделей: $R^2 = 0.341$ и $R^2 = 0.359$. Наилучшие предикторы эмфатических жестов в речи – детализация компонентов события, акцентуация компонентов события (*А вот Петя, Петя не знал об этом*), фокусирование времени события. Наилучшие предикторы жестов выражения отношения – различные прагматические функции аргументативного дискурса. В интервью наибольшая активность обнаружена у жестов выражения отношения и самоадаптеров; при этом показатели предсказуемости описывающих их моделей речи значительно ниже, $R^2 = 0.282$ и $R^2 = 0.256$; предиктор жестов выражения отношения – автокорректировка индивидуальной позиции или оценки (*если я не ошибаюсь*), предиктор самоадаптеров – позиция или мнение и репрезентация интерсубъективности (*как мы с вами знаем*). Таким образом, если речь в более и менее художественном формате не демонстрирует различий, то в жестах они проявляются в значительной мере. При этом и в количественном отношении, и в разнообразии это проявляется именно в неподготовленном формате интервью, что доказывает сниженная предсказуемость моделей и малое количество предикторов.

В ходе анализа выявлен ряд схем синхронизации речи и жеста в полимодальном поведении за счет взаимодействия их функций. Так, это может быть дублирование функций одного типа (например, прагматической функции) в речи и жесте, дублирование одной функции в одной единице анализа в рамках одной модальности или дублирование одной укрупненной функции за счет участия ее разных частных функций. Мы обнаружили, что в кино чаще встречается дублирование функции одного типа в разных модальностях, в то время как в интервью чаще происходит дублирование функции в рамках одной модальности. Очевидно, это обусловлено более спонтанным характером интервью и отсутствием жестких паттернов синхронизации, присущих постановочному формату кино. Помимо дублирования обнаружены функции, которые находятся в отношениях комплементарности в двух модальностях; такая особенность больше свойственна кино, предположительно, это объясняется соблюдением определенных правил комплементарности жеста и речи, которым в целом следуют актеры в художественных постановках кино.

Исследование позволило выявить и индивидуальные различия, наблюдаемые в использовании полимодального поведения в монологах актеров.

Так, на Рис. 1 приведены 2 индивидуальных профиля полимодального поведения в кино и в интервью двух актеров, Ю. Никулина и Р. Быкова.

Как видно из распределений активности (приведены в относительных величинах) функций речи и жеста (функции аргументации аннотированы с применением кодовой разметки 101-123, функции описания – 201-219, функции жестов – 301-314), жестовый компонент поведения Ю. Никулина выражен гораздо заметнее в интервью, чем в кино; в поведении Р. Быкова, напротив, в кино большую активность проявляет жест, точнее, один из типов жеста, прагматический эмфатический жест; хотя функциональное содержание речи в обоих форматах и у обоих актеров в действительности достаточно сходно. Анализ вариативности проявлений функций показал, что статистически значимыми в полимодальном поведении пяти актеров являются только различия в функциях жестов, при этом наибольшие различия наблюдаются в использовании контактоустанавливающих жестов ($F(1, 7.86)=6.38, p=0.036$), предметных адаптеров ($F(1, 4.41)=11.16, p=0.025$), а также жестов удержания ($F(1, 4.72)=6.88, p=0.05$).

В целом, проведенный анализ позволил установить, что использование определенных жестов, синхронизированных с функциями речи, характерно для разных форматов дискурса, что позволяет оценить их «вклад» в создание эстетики полимодального поведения, а также в определенных ситуациях может объяснить, за

счет чего создается большая или меньшая художественность, или эстетика произведения.

Литература

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.

Amossy, R. (2009). Argumentation in Discourse: A Socio-discursive Approach to Arguments. *Informal Logic*, 29(3), 252–267.

Cabrio, E., Tonelli, S., and Villata S. (2013). From Discourse Analysis to Argumentation Schemes and back: Relations and differences. In J. Leite et al. (Eds.) *CLIMA XIV* (pp. 1–17). Springer-Verlag Berlin Heidelberg.

Chare, N., Watkins, L. (Eds.) (2020). *Gesture and Film. Signalling New Critical Perspectives*. London, Routledge.

Cienki, A., Mittelberg, I. (2013). Creativity in the forms and functions of spontaneous gesture with speech. In T. Veale, K. Feyaerts, C. Forceville (Eds.) *The agile mind: A multidisciplinary study of a multi-faceted phenomenon* (pp. 231–252). Berlin, De Gruyter Mouton.

Iriskhanova, O. K., & Cienki, A. (2018). The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contributions and challenges. *Issues in Cognitive Linguistics*, 4, 25–36.

Kiose, M. I. (2021). Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), 147–164.

Kostoulas, Th., Muszyński, M., Chaspari, Th., Amelidis, P. (2020). Multimodal affect and aesthetic experience. *ICMI '20: Proceedings of the 2020 International Conference on Multimodal Interaction* (October 2020), 888–889.

Longacre, R. (1996). *The Grammar of Discourse*. New York and London: Plenum Press.

*Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Полиmodalный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса» (проект № 075-03-2020-013) в Московском государственном лингвистическом университете.

СЕГМЕНТАЦИЯ РЕЧЕВОГО ПОТОКА: ВЗГЛЯД «НАИВНОГО РАЗМЕТЧИКА»*

Н. А. Коротаев

*Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
n_korotaev@hotmail.com*

Известно, что устная речь имеет квантованную природу, т.е. порождается в виде последовательности отграниченных друг от друга единиц, выделяемых на основании ряда просодических критериев: фразовой интонации, темпа, паузации и проч. [Chafe 1994; Kibrik et al. 2020]. Эти единицы можно считать минимальными шагами в развитии устного текста, в [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009] их предложено называть *элементарными дискурсивными единицами* (ЭДЕ). Сегментация речевого потока на ЭДЕ является одной из базовых задач при выполнении лингвистически значимой дискурсивной аннотации [Izre'el et al. 2020]. Как отмечается в [Himmelman et al. 2018], эта задача может решаться двумя радикально различными способом: либо силами тренированных экспертов, опирающихся на детально прописанную инструкцию, либо при помощи неподготовленных «наивных» носителей языка, не проходящих перед началом аннотирования никакого специфического инструктажа. В обоих случаях значимым фактором является степень согласованности разметчиков. В первом случае она позволяет оценить эффективность инструкции; во втором — укорененность представления о естественной сегментации дискурса в сознании носителей.

В настоящем докладе приводятся предварительные результаты исследования, в котором совмещены две указанные выше перспективы. На примере одного рассказа из корпуса «Истории о подарках и катании на лыжах» (<http://spokencorpora.ru/>) было проведено сопоставление «эталонной» разметки, подготовленной экспертами при создании корпуса, и аннотаций, выполненных студентами Института лингвистики на занятиях по курсу «Общая

теория текста и дискурса» в 2020 — 2021 годах. При выполнении эталонного транскрипта корпуса аннотаторы многократно прослушивали аудиофайл (целиком и по частям) и опирались на систему дискурсивной транскрипции, описанную в [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009]. В свою очередь, студенты могли прослушать аудиофайл без прерываний 2 или 3 раза, после чего их просили расставить границы ЭДЕ в текстовой расшифровке, содержащей все слова и заполненные (но не абсолютные!) паузы рассказа без каких-либо дополнительных транскрипционных обозначений. До начала выполнения задания со студентами обсуждалось лишь самое общее представление о наличии минимальных шагов в производстве речи, но ни термин ЭДЕ, ни — тем более — формальные и / или содержательные критерии выделения подобных шагов в реальных текстах в этом обсуждении не упоминались. Задание устно формулировалось следующим образом: «Укажите в расшифровке границы между фрагментами текста, соответствующим минимальным шагам в порождении речи». Студентам также сообщалось, что задание не подразумевает единственно правильного ответа и не будет оцениваться. Всего было собрано и обработано 44 разметки. Далее кратко рассматриваются текущие итоги этой обработки.

1. Согласованность выполненных студентами «наивных» разметок между собой была оценена при помощи стандартного критерия — каппы Флейса [Fleiss 1971]; значения этого показателя варьируют от 0 до 1. Полученное значение составило 0.68, что обычно интерпретируется как индикатор существенной или высокой степени согласия между аннотаторами. В качестве образца для сравнения можно привести аналогичную оценку для другого задания в рамках того же курса: студентам предлагалось восстановить абзацы во фрагменте художественного текста (о задании и использованном в нем фрагменте см. [Кибрик 2003]). Восстанавливая границы абзацев, т.е. весьма привычных элементов письменного текста, студенты демонстрируют в целом более низкую степень согласия: каппа Флейса для 20 разметчиков составила 0.49. Иными словами, текущие результаты свидетельствуют в пользу того, что «наивные» аннотаторы

в целом имеют достаточно схожие представления о сегментации речевого потока.

2. Основной параметр вариативности при расстановке границ — это степень дробности разметки. Количество ЭДЕ, выделенных испытуемыми, варьирует от 8 до 29; причем для любых двух разметчиков X и Y явное большинство несовпадений заключается в том, в что в некотором отрезке, соответствующем одной ЭДЕ, выделенной X-ом, содержится более одной ЭДЕ, выделенной Y-ом. Иными словами, одним разметчикам свойственно в целом ставить больше границ, чем другим; и «лишние» границы расставляются в пределах «общих» для большинства разметчиков единиц.

3. После выполнения задания разметчики сообщали о критериях, которым они, по их мнению, руководствовались при расстановке границ. В первую очередь они отмечали наличие пограничных пауз, также регулярно упоминались критерии интонационной цельности ЭДЕ и наличия синтаксических границ. Все эти признаки, действительно, коррелируют с расставленными студентами границами: в разметках вероятность простановки границы после слова статистически достоверно возрастает с увеличением длительности паузы после этого слова (коэффициент корреляции Пирсона = 0.79, $p < 0.0001$), границы статистически чаще ставятся после слов, произносимых с акцентом, и после слов, завершающих синтаксические составляющие: именные группы и клаузы.

4. Любопытнее, однако, определить, какие из приведенных выше факторов являются более значимыми, чем другие. Для этого была измерена степень согласованности разметок по каждому слову: она варьирует от 0.5 (ситуация, в которой границу после данного слова поставили ровно половина разметчиков) до 1 (все разметчики либо поставили, либо не поставили границу после данного слова). Среднее значение этого параметра для 57 слов, входящих в рассказ, составило 0.90, медианное — 0.98. В дальнейшем мы считали, что если значение данного параметра для конкретного слова превосходит нижнюю границу второго квартиля (0.77), то разметчики в целом имели по этому слову согласованную позицию, в противном случае —

несогласованную. 4 из 10 слов, для которых разметчики не имели согласованной позиции, расположены в финальном фрагменте текста: в этом фрагменте рассказчик применяет стратегию скандированного произнесения, иронически подчеркивая каждое слово. Если исключить слова этого фрагмента из выборки, можно обнаружить достаточно регулярную модель принятия решения о простановке / непростановке границы.

(i) При наличии после слова паузы длительностью не менее 200 мс и расположении слова в конце клаузы или именной группы разметчики практически во всех случаях согласованно *ставят* границу.

(ii) Если пауза после слова составляет менее 200 мс (в том числе — если пауза полностью отсутствует), разметчики за редкими исключениями согласованно *не ставят* границу, если слово не является последним в клаузе или «тяжелой» именной группе. В противном случае в силу вступает фактор фразового ударения: если слово является последним в клаузе и произносится с нисходящим акцентом, разметчики согласованно *ставят* границу.

(iii) Если не выполняются наборы условий, описанные в пунктах (i) и (ii), разметчики действуют несогласованно.

6. Разметки студентов были также сопоставлены с эталонной аннотацией — снова при помощи каппы Флейса. Размах значения каппы Флейса относительно эталонной аннотации для 44 разметок составил от 0.40 до 0.89, со средним значением 0.77 и медианой 0.75; срединные 50% значений попали в интервал от 0.68 до 0.81. Эти результаты можно трактовать следующим образом. Большинство «наивных» разметчиков, не будучи знакомыми с инструкцией по выполнению сегментации речевого потока на ЭДЕ, тем не менее показывают существенную или высокую степень согласованности с тренированными экспертами. Этот факт особенно примечателен потому, что в инструкции, которой руководствовались профессиональные аннотаторы, среди критериев выделения ЭДЕ в потоке речи отсутствовала пограничная паузация. Можно предположить, что, во-первых, прочие факторы, принимаемые в расчет

при выполнении эталонной разметки, значимо коррелируют с пограничной паузацией, во-вторых, степень согласованности разметок большинства «наивных» аннотаторов с эталоном существенно повысится при минимальном предварительном инструктаже.

Литература

Кибрик А. А. (2003). Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. доктора филологических наук в форме науч. докл. М.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.) (2009) Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур.

Chafe, W. (1994) *Discourse, consciousness, and time.* Chicago: University of Chicago Press.

Fleiss, J. L. (1971). Measuring nominal scale agreement among many raters // *Psychological Bulletin*, 76(5). – 378–382.

Himmelman, N. P., Sandler, M., Strunk, J., Unterladstetter, V. (2018) On the universality of intonational phrases: A cross-linguistic interrater study // *Phonology*, 35(2). – 207–245. <https://doi.org/10.1017/S0952675718000039>

Izre'el, S., Mello, H., Panunzi, A., Raso, T. (eds.) (2020) In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach. John Benjamins.

Kibrik, A. A., Korotaev, N. A., Podlesskaya, V. I. (2020) Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach. John Benjamins. – 37–76. <https://doi.org/10.1075/scl.94.01kib>

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00540.

КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ: ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

^{1,2} *А. В. Леонтьева, ¹О. В. Агафонова, ¹А. А. Петров*

¹ *Московский государственный лингвистический университет
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
lentevanja27@gmail.com*

Синхронный перевод представляет собой комплексную деятельность, которая затрагивает работу психических и когнитивных процессов: восприятие, внимание, рабочая память и мышление [Lederer 1981]. Такой тип перевода является энергозатратным видом деятельности, так как одновременно переводчик должен обрабатывать поступающий сигнал (исходный текст) и продуцировать собственную речь (текст перевода) [Seeber 2011, 2013; Stachowiak-Szymczak 2019]. Высокая степень когнитивной нагрузки способна влиять на процесс перевода, что может отражаться на вербальном и невербальном уровнях. Для выявления моментов высокой когнитивной нагрузки были проанализированы затруднения в речи, а также сопровождавшие их жесты. В процессе анализа были выделены следующие типы затруднений: заполнители пауз, заикания, долгие паузы, повторы, замедление темпа речи, растягивание слов и прерывание высказываний. Данные затруднения, как показал анализ, сопровождались несколькими типами жестов: дейктическими, прагматическими, репрезентирующими и адаптерами [Clark 2003; Bressemer & Müller 2014; Mittelberg, Evola 2014; Kita 2000; Streeck 2008; Eckman 1972].

В эксперименте участвовали профессиональные синхронные переводчики. Запись материала была проведена с помощью двух камер: Sony HXR-NX30P (1920x1080 FHD, 25 FPS) с микрофоном Sony ECM-XM1 и GoPro HERO3+ Silver (1920x1080 HD, 25-30 FPS). Первая камера помещалась за переводчиком, а вторая на стол перед ним. Такое расположение техники позволило провести наиболее точный анализ жестов говорящего. Далее проводился полимодальный анализ материала в специальной программе для аннотирования жестов и речи ELAN (<https://archive.mpi.nl/tla/elan>). Всего было проанализировано

12 видеозаписей синхронного перевода с русского языка (L1) на немецкий (L2).

Таблица 1. Затруднения при переводе с русского языка на немецкий

Затруднения	Количество (N)	Количество (%)
Растягивание слов	4	1,71%
Заполнители пауз	149	63,68%
Долгие паузы	2	0,85%
Повторы	8	3,42%
Замедление темпа речи	5	2,14%
Заикание	14	5,98%
Прерывание высказываний	52	22,22%
ИТОГО	234	100,00%

Анализ синхронного перевода с русского языка на немецкий показал, что в случаях затруднения переводчики чаще всего прибегали к использованию заполнителей пауз (N=149; 63,68%). Таким образом синхронисты сохраняют функцию самоконтроля, при этом заполнители пауз позволяют испытуемым «выиграть время» для структурирования последующего перевода. Также заполнители пауз могут использоваться переводчиками для баланса распределения внимания между восприятием поступающего сигнала (исходного текста) и продуцированием речи [Setton 1999: 245-248]. В Таблице 2 проиллюстрирован пример использования испытуемым заполнителей пауз при построении придаточного предложения.

Таблица 2. Пример использования заполнителей пауз в синхронном переводе с русского языка на немецкий

Исходный текст	И вот этот как бы итог, вот когда мы все это опишем, мы сможем мы сможем только тогда судить о том, что происходит с этими видами.
Текст перевода	Und erst wenn wir das beschrieben haben, werden wir im Stande sein eh eh mmm prüfen zu können, was mit diesen Arten geschieht.

Вторым наиболее частым речевым затруднением, которое испытывали переводчики, было прерывание высказывания (N=52; 22,22%). При таком типе затруднений происходит нарушение беглости речи, а именно, прерывание начатого выражения или слова, которое может сопровождаться или не сопровождаться разрешением затруднения (т.е., самоисправлением). В примере, приведенном в Таблице 3, фраза исходного текста «*a estъ конвенция по потере биоразнообразия*» представляла собой момент затруднения для переводчика, который нашел свое выражение сначала в использовании заполнителя паузы „*ah*“, а затем в прерывании слова. Испытуемый сначала прервал слово „*irgend-*“, а затем завершил его, произнеся слово полностью („*irgendwelche*“). Стоит отметить, что часто переводчики испытывали трудности при переводе имен, которые в нижеуказанном примере были опущены, или числительных [Gile 2008].

Таблица 3. Моменты прерывания высказывания в случае возникновения трудности при синхронном переводе на немецкий язык

Исходный текст	А есть конвенция по потере биоразнообразия, это Норман Майерс, это Вильстон, это Ловиджоу, это все американские биологи. Они давали цифры такие интересные, что вымирает где-то в год в наших условиях, почему это шестое массовое вымирание видов, от сорока до семидесяти тысяч в год.
Текст перевода	Es gibt ah <i>irgend- irgendwelche</i> Konventionen, die unterschrieben wurden. Und in diesen Konventionen stehen irgendwelche Zahlen eh , die man schon abgesagt hat ah und eh ah da stehen die Zahlen, dass von vierzig Tausend bis sechzig Tausend Arten aussterben.

Жестовое сопровождение затруднений разного типа представлено в Таблице 4. Анализ жестов показал преимущественное использование адаптеров (N=168; 59,79%), а также значительное употребление прагматических жестов (N=105; 37,37%). Употребление

адаптеров может указывать на потерю контроля над ситуацией и попытку говорящего восстановить контроль [Ескман 1972]. Прагматические жесты в переводе способны выполнять функцию структурирования речи для облегчения процесса перевода [Ирисханова, Петров, Маковеева, Леонтьева 2019]. Использование репрезентирующих (N=6; 2,14%) или дейктических (N=2; 0,17%) жестов практически не наблюдается.

Таблица 4. Использование жестов при синхронном переводе с русского языка на немецкий

	Растягивание слов	Заполнители пауз	Долгие паузы	Повторы	Замедление темпа речи	Заикание	Прерывание высказываний	Итого
Адаптеры	4 2,38%	117 69,64%	2 1,19%	6 3,57%	2 1,19%	8 4,76%	29 17,26%	168 59,79%
Дейктические жесты	0 0,00%	0 0,00%	0 0,00%	0 0,00%	1 50,00%	0 0,00%	1 50,00%	2 0,71%
Прагматические	1 0,95%	57 54,29%	2 1,90%	3 2,86%	4 3,81%	12 11,43%	26 24,76%	105 37,37%
Репрезентирующие	0 0,00%	4 66,67%	0 0,00%	1 16,67%	0 0,00%	0 0,00%	1 16,67%	6 2,14%
Итого	5 1,78%	178 63,35%	4 1,42%	10 3,56%	7 2,49%	20 7,12%	57 20,28%	281 100,00%

Литература

Ирисханова О. К., Петров А. А., Маковеева А. И., Леонтьева А. В. Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа. Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 100–116.

Bressem J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and J. Bressem (Eds.), *Body – Language – Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.2.)*. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. 2014. P. 1575–1591.

Clark H. H. Pointing and placing // *Pointing*. – Psychology Press, 2003. С. 251-276.

Eckman P. W. Universals and Cultural Differences in Facial Expressions of Emotion // *Nebraska Symposium on Motivation /J. Cole (Ed.)*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1972. P. 207-282.

Gile D. Local Cognitive Load in Simultaneous Interpreting and its Implications for Empirical Research. *FORUM Revue internationale d'interprétation et de traduction / International Journal of Interpretation and Translation*, 2008. 6. 59-77. 10.1075/forum.6.2.04gil.

Kita S. How representational gestures help speaking. In: David McNeill (ed.), *Language and Gesture*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 162–185.

Lederer M. *La traduction simultanée — expérience et théorie*. Paris, France: Minard. 1981.

Mittelberg I., Evola V. Iconic and representational gestures. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and J. Bressem (Eds.), *Body – Language – Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.2.)*. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. 2014. P. 1732–1746.

Seeber K. Cognitive load in simultaneous interpreting: Existing theories – New models. *Interpreting*. 13. 2011. P. 176–204.

Seeber K. Cognitive load in simultaneous interpreting: Measures and methods. *Target*. 25:1. 2013. P. 18–32.

Setton R. Simultaneous interpretation: A cognitive–pragmatic analysis. Amsterdam: John Benjamins. 1999.

Stachowiak-Szymczak K. Eye Movements and Gestures in Simultaneous and Consecutive Interpreting. New York, NY: Springer. 2019. 159 p.

* Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00357).

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТИКЕТНЫЕ ЖЕСТЫ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

С. С. Мартыненко

МГУ им. М. В. Ломоносова

(Москва, Россия)

sofiamart88@gmail.com

Этикетные жесты являются эмблематическими жестами, а их отличительная особенность заключается в их культурной специфичности [Matsumoto & Hwang 2013: 1]. Согласно определению Г. Е. Крейдлина, «этикетные жесты – это невербальные знаковые единицы коммуникативного поведения людей, говорящие о его соответствии нормам общественного поведения в данной актуальной ситуации и подчёркивающие ритуальные особенности этой ситуации» [Крейдлин 2002: 101].

В данной работе сравнивается употребление этикетных жестов в русском и корейском языках. В качестве материала исследования были использованы видеофрагменты на русском и корейском языках (современные сериалы, интервью, ток-шоу, различные трансляции, фрагменты из МУРКО – для русского языка). На основе этих материалов был составлен небольшой корпус данных для корейского (43 видеофрагмента общей длиной 23 минуты 13 секунд) и русского (26 фрагментов общей длиной 9 минут 43 секунды) языков.

Все собранные видеоматериалы были размечены в программе ELAN 6.1 (<https://archive.mpi.nl/tla/elan>). Каждый фрагмент размечался по клаузам и соответствующим им жестам, если же жест не сопровождался словами, он отмечался как соответствующий паузе. Среди жестов выделялись движения корпуса, головы и рук, а также был включён отдельный слой разметки «пространство», для описания перемещений и действий участников. Помимо этого, для каждого жеста указывалось его предполагаемое значение, при этом при анализе корейского материала в случае возникновения трудностей с интерпретацией материала была использована помощь носительницы корейского языка.

В данной работе наибольшее внимание уделялось сравнению ситуаций приветствия и прощания и жестов головы, рук или корпуса, характерных для них, в русском и корейском языках, а также были рассмотрены ситуации благодарности и извинения (только для корейского языка). В корейском языке большинство найденных примеров тяготеют к формальному стилю, хотя аналогичные ситуации в русском языке скорее относятся к нейтральному стилю. Дело в том, что в нейтральных ситуациях говорящие на корейском языке скорее используют стиль жестикуляции, содержащий формальные черты. Помимо этого, в данной работе представлено и краткое описание жестов, характерных для неформального, а также смешанного стиля поведения, возникшего при совмещении жестов, характерных для двух вышеуказанных видов поведения.

После анализа полученного материала для корейского языка было выявлено, что самым частым жестом в корейском языке для формального и нейтрального стиля во всех рассмотренных ситуациях является поклон. В русском же языке в этой роли (нейтральном стиле) выступает кивок.

Для неформального стиля оказалось, что жесты достаточно похожи. Так, и для корейского, и для русского языка наиболее частыми являются жесты «помахать рукой» и «обняться».

Смешанный же стиль коммуникации представлен употреблением жестов из формального и неформального стилей в одной ситуации. Так, встретилось несколько примеров, которые показывают, что в корейском языке важную роль при выборе невербального поведения играют такие факторы как возраст, социальное положение и близость между собеседниками. В русском языке также встретились ситуации смешанного поведения, но они не подчиняются такой четкой иерархии.

Таким образом, при сравнении двух языков можно сделать следующие выводы:

- 1) Корейская формальная жестикуляция более систематизирована, и есть достаточно четкие факторы, которые определяют использование того или иного жеста. В русском же языке границы более размыты, вероятно, отдельный человек может самостоятельно

выбирать некоторую стратегию жестикуляции в той или иной ситуации. Более того, репертуар этикетных жестов в корейском языке несколько более ограничен и не сильно варьируется, в то время как в русском встречаются достаточно разнообразные жестикуляции.

2) В неформальных ситуациях жесты, наоборот, более однородны и похожи, в ней обычно перестают работать те факторы, которые учитываются при формальной коммуникации (иерархия, возраст).

3) В корейском языке жестикуляция варьируется в зависимости от отношений между собеседниками вплоть до использования жестов из разных стилей в одной коммуникативной ситуации.

Литература

Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – М.: Яз. рус. культуры; Вена: Вен. славист. альм., 2001. – 254 с.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). – М.: Издательский дом ЯСК: Яз. славян. культуры, 2017. – 743 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 581 с.

Matsumoto D., Hwang H. C. Cultural Similarities and Differences in Emblematic Gestures. // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2012. Vol. 37 (1). P. 1-27.

Matsumoto D., Hwang H. C. Emblematic Gestures (Emblems) // *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 2. 2013. P. 1-4.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

ВЫРАЖЕНИЕ ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО С ПОМОЩЬЮ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ И ЖЕСТИКУЛЯЦИИ*

Ю. В. Николаева

*МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
julianikk@gmail.com*

Дискурсивные маркеры — довольно обширная категория, для которой проблематично строго обозначить границы как самой группы таких единиц, так и типов или классов внутри нее.

В работе [Biber et al. 1999: 969] языковые средства выражения позиции говорящего (stancetaking) противопоставляются собственно пропозициональным элементам: первые описывают отношение (stance), вторые передают сообщение, которое следует интерпретировать в указанном смысле.

В данном исследовании на материале корпуса RUPEX [Кибрик 2018; multidiscourse.ru] изучались указания на логическую связь между соседними ЭДЕ; слова, эксплицирующие степень уверенности говорящего в сообщаемой информации и ее источник; интенсификаторы; аппроксиматоры и другие маркеры, относящиеся к описанию событий из мира дискурса (а не к взаимодействию собеседников). Отдельно рассматривалась жестикуляция: (а) жесты, выражающие исключительно или в основном прагматические значения (место высказывания или роль референта в рассказе, отношение говорящего, степень его уверенности, желание привлечь внимание адресата к соответствующим словам и пр.); (б) жесты, сочетающие прагматические значения с изобразительными или указательными, т. е. такие, которые можно было бы отнести к тому классу единиц, которые в [Biber et al. 1999] назывались пропозициональными; (в) жесты, которые появились с ЭДЕ, содержащими рассматриваемые дискурсивные маркеры, но относящиеся к изобразительным или указательным.

В результате предлагается следующая система для описания прагматических значений в жестикуляции.

Во-первых, можно выделить самую яркую, хоть и самую редкую группу жестов, сравнимых по стабильности и узнаваемости формы с эмблемами, таких как *пожать плечами*. Встреченные примеры позволяют предположить, что среди таких жестов много маркированных, присущих какой-то конкретной социальной группе, как, например, жест, когда со словом «ага!» говорящий выпрямляет указательный палец в сторону собеседника, часто сразу после щелчка пальцами, чтобы подчеркнуть точность или правильность только что сказанных им слов: этот жест скорее можно ожидать в общении с подростками.

Во-вторых, есть более нейтральные жесты, при этом с менее устойчивой и узнаваемой формой и более размытым или абстрактным значением, которые в существенной степени совпадают с описанным Я. Брессем и К. Мюллер классом рекуррентных жестов (2014). Значение таких жестов опирается на распространенные и частично грамматикализованные метафоры (такие как передача мысли слушающему или сопоставление двух альтернатив в рассуждениях). Жесты этой второй группы в большей степени встроены в рассказ (в противоположность первой, где жесты привязаны к экстранарративным клаузам). Для них выработаны критерии их выделения и описания; возможно, поэтому этот класс оказался самым многочисленным в рассмотренной выборке.

Третья группа прагматических жестов сопровождает только пропозициональные ЭДЕ, не эксплицирующие позицию рассказчика или взаимодействие с адресатами, эта функция целиком ложится на жестикуляцию. Прагматические значения в таких высказываниях можно заметить только в просодии.

Наконец, четвертая группа жестов — сопровождающие дискурсивные маркеры, однако по формальным признакам не относящиеся к прагматическим — при внимательном рассмотрении передает прагматические значения через ритмический повтор движения или использование упомянутых выше метафор, например, в конфигурации руки (такой как плоская ладонь для передачи мысли адресату) или траектории (например, короткое циклическое движение при второстепенных замечаниях, не относящихся к сюжету).

Для этих четырех групп различается также сочетаемость с другими каналами коммуникации, включая направление взгляда и движение корпуса.

Литература

Кибрик А.А. (2018). Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал 39(2). 79–90.

Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S. and Finegan, E. (1999). Longman Grammar of Spoken and Written English.

Bressemer J., Müller C. (2014). A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and J. Bressemer (eds.). Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction, Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2014, 1575–1591.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

А КАК ЖЕ БЕЗ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ?

^{1,2}*Е.В. Рахилина, ¹П.А. Бычкова*

¹*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,*

²*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)*

rakhilina@gmail.com, polyatomson@gmail.com,

Доклад отражает работу по проекту над базой данных «Прагматикон» (pragmaticon.ruscorgo.ru), в которой собраны так называемые дискурсивные формулы -- неоднословные изолированные ответные реплики в диалоге типа *Еще бы!* или *Вот еще!* В данной работе рассматривается семантическое развитие формулы *Как же!* и ее вариантов. По корпусным данным (особую роль в которых играют данные МУРКО) прослеживается процесс постепенной прагматикализации исходной вопросительной конструкции при переходе в дискурсивную формулу, а также контекстной специализации ее вариантов.

ЕЩЕ ОДНА ЖИЗНЬ «ФИЛЬМА О ГРУШАХ» УОЛЛАСА ЧЕЙФА*

О. В. Федорова

*МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
olga.fedorova@msu.ru*

Коллективная монография под редакцией Чейфа «Рассказы о грушах: Когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования» (1980) считается одной из самых известных работ в области анализа дискурса. В этом исследовании носители разных языков смотрели, а затем пересказывали специально снятый для научных целей шестиминутный фильм [Chafe ed. 1980]. Записи проводились с испытуемыми разных возрастов, а также с различными временными интервалами между просмотром фильма и пересказом. Собранные более чем на 15 языках пересказы послужили основой многих теоретически важных работ, напр., [Chafe 1994]. За прошедшие сорок с лишним лет появился проект «Китайских рассказов о грушах» (www.pearstories.org), П. Остин изучал особенности глаголов индонезийского языка сасак [Austin 2012], а в университете штата Нью-Мехико под руководством Ш. Уилкокса был создан корпус на американском, итальянском, каталанском и бразильском жестовых языках. Отдельно стоит отметить европейский проект по созданию телекомментария для незрячих [Mazur, Chmiel 2012].

Настоящее исследование открывает еще одну страницу (мультимодального) использования «Фильма о грушах», а именно, онлайн-комментирование. Данный жанр еще мало изучен в лингвистике, однако см. книгу Е. Г. Малышевой (2011) о спортивном комментировании, в которой автор выделяет семь коммуникативных типов языковых личностей спортивных комментаторов: (1) комментатор-«репортер», напр., Виктор Гусев; (2) комментатор-«аналитик», Владимир Маслаченко; (3) комментатор-«знаток», Владимир Маслаченко; (4) комментатор-«ироник», Василий Уткин; (5) комментатор-«балагур», Георгий Черданцев; (6) комментатор-«болельщик», Георгий Черданцев; (7) комментатор-«актер», Н. Н. Озеров, Коте Махарадзе.

См., например, также курс обучения репортеров: www.broadcastacademy.net/courses/live-football-commentating-online-course/.

В психолингвистических исследованиях этот метод, насколько нам известно, ранее не применялся. В известной работе Томлина похожий метод был использован для изучения фокусного внимания, залога и порядка слов в «Фильме о рыбах» [Tomlin 1995]. В работе [Eaton et al. 1999] при помощи подобного метода были получены детские пересказы, однако трехминутное видео семь раз останавливалось и детей просили рассказать, что произошло в текущем фрагменте. В [Потанина 2018] была предпринята первая попытка психолингвистического подхода к этому вопросу. В качестве материала была выбрана компьютерная игра «Том и Джерри» длительностью 4 мин. 11 с, см. ниже.

Настоящее исследование было проведено в онлайн-режиме в 2020-2021 гг. В нем приняли участие 16 студентов ОТиПЛ МГУ. Каждый испытуемый прошел два теста: тест по определению объема рабочей памяти при порождении речи (методику см. в [Fedorova, Potanina 2014]) и тест по онлайн-комментированию «Фильма о грушах». Полученные пересказы были расшифрованы, см. ниже небольшой фрагмент:

Вот он их выкладывает (0.7) выкладывает. Птички поют. (2.04) Одна груша видимо затерялась в глубине. (1.28) Вот он поднял ту что упала и тоже положи= (0.59) Перекладывает из руки в руку, поправляет шарфик. (0.71) Снял шарфик, протирает грушу (0.88) и кладёт её в корзину. (1.73) Потом за кадром какие-то странные звуки похожие... (0.63) А! видимо это от осла, который сейчас появился на горизонте. Его ведёт какой-то парень, тоже в шляпе. (1.11) Кажется, соломенной. (0.94) Вот, человек возвращается на лестницу, лезет обратно наверх. (1.23) К нам подходит этот парень, ведущий... А, это (0.1) это была коза.

В данной работе мы проверили гипотезу о том, что объем РП коррелирует с успешностью онлайн-комментирования. В работе [Потанина 2018] автор сравнила (1) объем комментария, (2) количество речевых сбоев и (3) лексическое разнообразие комментариев, однако не нашла статистически значимых различий между испытуемыми с

разным объемом РП. В настоящей работе нам удалось обнаружить различия между испытуемыми с большим и небольшим объемами РП по следующим переменным: среднее количество слов в секунду, среднее количество уникальных слов в секунду и среднее количество уникальных глаголов в секунду. В то же время неожиданно оказалось, что испытуемые с большим объемом РП делали больше пауз, см. табл. 1 с. 55.

В докладе будут подробно рассмотрены полученные результаты и намечены дальнейшие (в том числе мультимодальные) перспективы применения этого метода.

Литература

- Мальшева Е.Г.* (2011). Русский спортивный дискурс. М.: Флинта.
- Потанина Ю.Д.* (2018). Рабочая память и речевые сбои в спонтанном дискурсе. Дисс. ... канд. филол. наук. М. : МГУ (рукопись).
- Austin P.K.* (2012). Too many nasal verbs: Dialect variation in the voice system of Sasak. Nusa.
- Chafe W.* (ed.) (1980). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood: Ablex.
- Chafe W.* (1994). Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago.
- Fedorova O.V., Potanina J.D.* (2014). Working memory and Russian language: From comprehension to production // *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. Moscow: RGGU. P. 173–183.
- Mazur I., Chmiel A.* (2012). Towards common European audio description guidelines: Results of the Pear Tree Project // *Perspectives: Studies in Translatology* 20(1). P. 5–23.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

wm1	wm2	pauses, с	речь, с	%	слова	слова/ с	УНИК	УНИК/ с	% уник	УНИК глаг	УНИК сущ	УНИК опред
2	64	87,9	267,1	74	560	2,1	206	0,8	37	41	39	11
2,5	30	142	213	58	302	1,4	126	0,6	42	42	32	3
2,5	45	89,2	265,8	75	543	2	172	0,6	32	49	44	2
3	64	31,9	323,1	91	381	1,2	173	0,5	45	48	38	10
3	60	112,9	242,1	66	470	1,9	172	0,7	37	57	32	5
3	62	68	287	80	477	1,7	192	0,7	40	51	49	13
3	57	99	256	70	568	2,2	196	0,8	35	49	40	18
3	62	54,8	300,2	84	766	2,6	219	0,7	29	53	41	15
	mean	85,7*	269,3*	75*	508	1,89*	182	0,67*	37	48,8*	39,4	9,6
4	76	141,4	213,6	60	370	1,7	142	0,7	38	55	28	4
4	84	196,6	158,4	45	348	2,2	157	1	45	49	30	5
4	80	125,8	229,2	64	616	2,7	216	0,9	35	61	52	14
5,5	91	83,5	271,5	75	508	1,9	202	0,7	40	52	41	13
5,5	89	61,6	293,4	83	800	2,7	280	1	35	64	74	26
6	97	152,9	202,1	54	399	2	150	0,7	38	56	32	4
6	99	129,8	225,2	63	469	2,1	173	0,8	37	53	40	8
6	87	173	182	51	508	2,8	190	1	37	65	38	14
	mean	133,1*	221,9*	62*	502	2,27*	188,8	0,85*	38	56,9*	41,9	11

Таблица 1. Результаты исследования (значимые различия выделены звездочкой*)

ПРОСОДИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СТАТУСА И РЕЧЕВОГО ОПЫТА ГОВОРЯЩЕГО

Т. Е. Янко

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
tanya_yanko@list.ru*

Большинство речевых актов могут быть реализованы как завершённые единицы дискурса или как ожидающие продолжения. Сформировать речевой акт как автономный и законченный или как имеющий указание на то, что продолжение следует, — в воле говорящего. Указание на незавершённость — это элемент стратегии говорящего. По умолчанию речевой акт понимается как не зависимый от своего правого контекста, т. е. как завершённый шаг дискурса. Между тем язык разрабатывает и систему средств для специального указания на незавершённость, или на то, что текущее сообщение, вопрос или вокатив встроены в ряд сообщений, серию вопросов или пояснений, почему вопрос задается. Основные средства указания на незавершённость дискурса — просодические. Прежде всего это различные типы восходящих акцентов, например, интонационные конструкции ИК-3, ИК-4 и ИК-6 по [Брызгунова 1982]. Кроме того, конструкции незавершённости характеризуются особым выбором слов — акцентоносителей незавершённости и специальным порядком слов в предложении (детали см. в [Янко 2015]).

В работе [Янко 2020] было показано, что частота, с которой говорящий использует указание на незавершённость, зависят от жанра речи, пола, возраста, социального статуса говорящего, его профессионального опыта и психологического состояния. Кроме того, был предложен метод для измерения частотности использования говорящими указания на незавершённость речевого акта в структуре дискурса. Соответственно, подсчет частотности может обеспечивать доступ к характеристикам говорящего.

В качестве меры незавершённости речи было предложено использовать частное от деления количества незавершённых речевых

актов Σ_i на общее количество речевых актов Σ_j исследуемого фрагмента речи или массива звучащих текстов, которые отвечают определенному признаку говорящего, некоторому кругу лиц или просто языковой личности. В качестве незавершенных в расчет принимаются только те речевые акты, при совершении которых говорящий имеет свободный выбор между завершенностью и незавершенностью. Обязательные незавершенности, т. е. такие, которые определяются синтаксической структурой (например, контекстом сложного предложения или сочинительной конструкции), в расчет не принимаются. Такое решение было принято для того, чтобы исследование незавершенности не зависело от специфики синтаксических структур, которыми склонен пользоваться говорящий, так как в настоящее время нам неизвестно, есть ли связь и, если есть, то какая, между использованием сложных синтаксических конструкций и простых.

Таким образом, индекс незавершенности I вычисляется по формуле:

$$I = \frac{\Sigma_i}{\Sigma_j}$$

Цель работы — продемонстрировать практическое применение индекса незавершенности к анализу речи лиц, которые профессионально связаны с речевой деятельностью: речи политического деятеля, политического комментатора, пресс-секретаря, юриста, радиожурналиста.

Для анализа разработан малый рабочий корпус образцов звучащей речи, полученных из открытых источников, общим звучанием около трех часов. Использована компьютерная система обработки звучащей речи PRAAT [Boersma, Weenink 2022].

В докладе приводятся результаты вычисления индекса незавершенности в речи лиц, хорошо известных своими выступлениями любой аудитории: президента, пресс-секретаря президента, министра иностранных дел, пресс-секретаря министра иностранных дел и двух известных адвокатов.

Проведенный анализ дает материал для выработки рекомендаций будущим и действующим ораторам.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Том 1. М. Наука, 1982. С. 98-122.

Янко Т. Е. Просодия темы, ремы и незавершенности текста // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI, СПб: Наука, 2015, Ч. 1. С. 667-689.

Янко Т. Е. Дискурсивная незавершенность в стилях и жанрах речи // Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2020 г. Материалы конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 47-49.

Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.2.05. Online: Praat: doing Phonetics by Computer (uva.nl) (accessed date: 15.01.2022).

ЗАМЕТКИ

«Слово и жест»

**Научная конференция,
посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)
Материалы конференции**

Подписано в печать 01.02.2022 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 3,75. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Отпечатано в типографии ОнлайнПринт
117218, Москва, ул. Введенского, 8